

ЮЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А. П. ЧЕХОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ КРЫМСКОГО ПЕРИОДА) *

Величко Н. В.**

Аннотация

В статье на материале писем крымского периода представлено Южное пространство как фрагмент языковой картины мира А.П.Чехова

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая личность, эпистолярный

* 本文 2010 年 5 月 11 日到稿，2010 年 6 月 18 日审查通过。

** Старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе.

Southern Space in the Language Picture of Chekhov's World (on the Materials of the Crimean Period Letters) *

Velichko Natalya**

Abstract

The article deals with Southern Space as a piece of Chekhov's language specific world presented in the letters from the period of his life in the Crimea.

Keywords: language specific world presented, linguistic personality, epistolarium.

* Received: May 11, 2010; Accepted: June 18, 2010.

** Associated professor, Department of Russian language and literature, Lomonosov Moscow State University branch.

Антропоцентрическая парадигма позволяет обратиться к глубинным ментальным процессам в сознании человека. Вопрос об отражении мира человеческим сознанием относится к центральным проблемам философии (гносеологии) и лингвистики (лингвистическая теория отражения) [11, с. 147].

По мысли Л. С. Выготского, а за ним А. Н. Леонтьева, сознание имеет языковую, речевую природу. Сознание, связанное с речевой деятельностью личности, будем, вслед за А. А. Леонтьевым, называть *языковым сознанием*.

По определению И. А. Зимней, языковое сознание – это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности [3, с. 511].

С понятием «языковое сознание» связано понятие «языковая личность». Благодаря трудам В. Гумбольдта, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Р. О. Якобсона и других ученых лингвистика начала исследование человека, владеющего языком, на исследование языковой личности.

Изучение языковой личности в русистике связано с именем Ю. Н. Караулова. Под языковой личностью ученый понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)», различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной языковой направленностью [5, с.3].

Ю. Н. Караулов в своей работе «Русский язык и языковая личность», раскрывая структуру языковой личности, указывает, что она «вырастает из анализа психолингвистических и лингводидактических представлений» и представляет трехуровневую функциональную модель, репрезентированную соответственно лексиконом, тезаурусом и прагматиконом. Второй из выделенных

уровней – когнитивный, характеризующий свойственную ей картину мира, представляет для нас интерес в плане модели описания языковой картины мира писателя [5, с.37].

Сегодня антропологическая парадигма научного знания исходит из того, что человек познаёт мир через осознание. Мир объективный субъективизируется, а социальный опыт человека накладывает определенный отпечаток на язык [8, с. 66]. Сознание человека обладает способностью отражать окружающую действительность, то есть моделировать некую *картину мира*, синонимичные понятия *модель мира* (Т. В. Цивьян, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, *образ мира* (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, В. Н.Телия и др.).

Рассматривая вопрос о картине мира, исследователи различают концептуальную и языковую картины (Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.). Одна из функций языковой картины мира, как отмечает Б. А. Серебренников, – это “экспликация средствами языка концептуальной картины мира” [10, с. 20].

Несомненно, что понятия «языковая личность» и «языковая картина мира» взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга, так как единицами второго (лингво-когнитивного) уровня структуры языковой личности являются обобщенные идеи, понятия, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в упорядоченную картину мира.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта о внутренней форме языка, а также к идеям американской этнолингвистики, к так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира Уорфа. Языковая картина мира понимается как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителя и являющийся результатом

всей духовной активности человека, т.е. субъективный образ объективного мира» [10, с.8-69., с. 23].

Языковую картину мира А. П. Чехова мы определяем как объектную картину в субъективном ее отображении посредством индивидуальной и творческой репрезентации.

Видение мира, его понимание преломляются в сознании языковой личности и закрепляются в системе языка в виде представлений, образов, концептов, категорий и моделей, из которых складывается картина мира.

В последние годы отмечается всплеск интереса к языковой личности А. П. Чехова: исследование Л. В. Баскаковой на материале дневников и записных книжек писателя закономерностей, которые явились основой для развития его авторского стиля, представление концепции языковой личности ребенка в произведениях А. П. Чехова И. А. Кокиной, изучалась динамика творческого развития языковой личности Е. В. Литус, ведутся работы И. В. Трещалиной над словарем А. П. Чехова.

Материалом исследования были выбраны письма А. П. Чехова, потому что, во – первых, Чехов – великий русский писатель, мастер художественного слова, все, что вышло из-под его пера, представляет культурную ценность и богатый материал, во – вторых, собрание его писем было воспринято общественностью как ценный литературный памятник, и современниками его письма были поставлены рядом с письмами Пушкина, в – третьих, именно письма, по словам исследователя чеховского эпистолярия А. Т. Липатова, – это “...та область словотворчества, где писатель не скован никакими стилевыми и языковыми нормами или какими-либо иными условными ограничениями...” Именно эпистолярное наследие предоставляет исследователю языковой личности наибольшие возможности.

А. П. Чехову, южанину во втором поколении, пришлось дважды за свою жизнь вынужденно сменить юг на север и наоборот. И если первый переезд, из Таганрога в Москву, затем в Мелихово, Чехов перенес легко и с радостью, то решение поселиться в Крыму, в Ялте, писателю далось с большим трудом. В Крыму писателем было написано более полутора тысяч писем, которые и послужили материалом исследования.

Южное пространство в эпистолярной А. П. Чехова представляют Крым, Кавказ и заграничные курорты. Вообще все, что расположено южнее Москвы, именуется Югом: *Повидайся с Мейерхольдом и убеди его провести все лето где-нибудь южнее Москвы. Лучшие всего ему прожить лето в Крыму и на Кавказе...* (ПСС, 3045); *Летом он, Ежов, был на юге, объездил Придонецкий и Приазовский край* (ПСС, 2904). Как особенно удобные и благоприятные для жизни местности писатель выделяет Таврическую, Екатеринославскую, Полтавскую и Черниговскую губернии: *Вот если бы Вам в Таврическую губ<ернию> или Екатеринославскую! Здесь и жизнь кипит, и работы много, а главное - тепло. И я бы часто виделся с Вами, так как живу в Таврической губ<ернии> и бываю часто в Екатеринославской, где, кстати сказать, родился. Хороши Полтавская и Черниговская губ<ерний>. В этих четырех губерниях в марте уже не бывает снега. И народ недурной. Если освободится какая-нибудь из названных кафедр, то вспомните тогда эту мою просьбу, подумайте об Юге* (ПСС, 3844).

В письмах Чехова антитеза “север – юг” выражает скорее не географическое противопоставление сторон света, а эмоциональное. Север в большинстве случаев получает положительные характеристики: *север все-таки лучше русского юга, по крайней мере весной; томлюсь, что я не на севере*; все, что принадлежит северу, неизменно оценивается выше, как лучшее в сравнении с южными реалиями: *Не потому скучно, что около меня нет "моих дам", а потому, что северная весна*

лучше здешней; У нас природа грустнее, лиричнее, левитанистее, здесь же она – ни то ни сё, точно хорошие, звучные, но холодные стихи (ПСС, 1405). Как можно заметить, именно весной, когда иссякало терпение в изоляции от общества, даже пробуждающаяся природа не радовала писателя. Подбирая эпитеты для оттенения положительного образа северной весны, Чехов включает неологизм *левитанистее*, образованное от фамилии друга – художника И. И. Левитана, как прецедентное имя, передающее тоску по друзьям, родному окружению.

И лишь в немногих контекстах Север ассоциируется с чем-то неприятным, холодным, суетным: *Ваше невеселое, чисто северное письмо напомнило мне о Петербурге, я вспомнил Ваших петербургских критиков, мудрецов, говорящих в ответ на "Забывтые письма": "Покорно благодарю!", вспомнил туман, разговоры, вспомнил и поскорее пошел к морю, которое теперь очаровательно* (ПСС, 2444).

Переселение в Крым нелегко далось писателю. Долгое время он «не сжигал мосты», мучительно тяжело было ему покидать мелиховское имение, куда было вложено столько сил: *Я в Крыму купил и Мелихова не продаю. Происходит какая-то путаница в моей жизни. И Крым нравится, и не хочется расставаться с севером... Просто сам не знаю, что мне нужно* (ПСС, 2531). Чехов надеялся на то, что пребывание в Крыму будет временным: *Здоровье мое сносно, легочный процесс in statu*, не делается со мной ничего особенного, и есть большая вероятность, что всё обойдется и мне через 2-3 года можно будет опять зимовать на севере* (ПСС, 2701). Еще долго Чехов считал, что его родной дом на севере: *Кашель у меня не прошел, но 5 апреля я все-таки двину на север к пенатам* (ПСС, 1406), называя его книжным, поэтическим, устаревшим словом *пенаты*, которое обозначает □родной дом, домашний очаг, символизируемый в образе древнеримских богов, покровителей домашнего очага□. Трудно приходилось писателю мириться с необходимостью жить на юге: *Читаю усердно "Figaro" и*

*"Тетры", сажаю деревья, гуляю, и мне кажется, что моя праздность и весна продолжаются уже шестьдесят лет и что не мешало бы теперь на север (ПСС, 2704). Искаженное представление о времени, его гиперболизация передана в тексте письма сочетанием *продолжаются уже шестьдесят лет.**

Время сильно растягивалось в представлении Чехова, особенно зимой: *Ни одна зима не тянулась для меня так долго, как эта, и только тянется время, а не движется, и теперь я понимаю, как я глупо сделал, оставив Москву (ПСС, 3071).*

Одиночество, тоска по родным, театру, где с успехом шли постановки его пьес в исполнении труппы Художественного театра, заставляла все чаще и чаще обращать свой взор на север: *Сегодня погода очаровательная, весенняя. Птицы кричат, цветут миндаль и черешни, жарко. Но все-таки надо бы на север. В Москве в 18-й раз идет "Чайка"; говорят, поставлена она великолепно (ПСС, 2662), улавливая отголоски гула славы, который изредка доносится сюда северным ветром (ПСС, 2622); Теперь я ничего не пишу, ...потому что в Ялте вообще не пишется, но дома на севере, вероятно, начну опять писать... (ПСС, 2701).*

С каждым прожитым в Ялте годом тоска и скука *по холоде, по северным людям* одолевали всё сильнее и сильнее, и тогда ничего, ни теплая погода, ни цветущие деревья в любимом саду, ничто не радовало писателя: *В Ялте чудесно, совершенно летняя погода, и это скверно. Всю ночь кричат коты, воют собаки, снятся могильные склепы, а днем ярко светит солнце и томят воспоминания (ПСС, 3608); Здесь погода премерзская, хоть и цветут миндали и айва, хочется простора и северного воздуха (ПСС, 4359).*

Недостаток живого общения Чехов пытался компенсировать эпистолярным общением, писал много писем сам, и этого же требовал от родных и знакомых, этим подчеркивая для себя принадлежность северной земле: *Пиши мне, деточка,*

всякие подробности, чтобы я чувствовал, что я принадлежу не Ялте, а северу, что жизнь эта, унылая и бессодержательная, еще не проглотила меня (ПСС, 3925). Писатель пытался найти объяснение своим страданиям: *Я отвык от севера и не привык и югу* (ПСС, 3071).

Однако, по мере “врастания” в южную среду, обживаясь на новом месте, Чехов учится жить по-новому, приспособляясь к новым условиям: новый дом, собственноручно посаженный сад, новые произведения, постановки, небольшая медицинская практика. В письмах коллегам, описывая врачебную деятельность, среди врачей в Крыму выделял «северных»: *Отправку сюда туберкулезного душевнобольного я считаю хлопотливой, сложной и бесполезной затеей; ваши северные врачи посылают его сюда, потому что незнакомы с местными условиями и по той же самой причине, по какой то и дело присылают сюда издалека больных в последнем градусе, умирающих здесь очень скоро, в убогой обстановке, на чужой стороне, в одиночестве...* (ПСС, 3080). Выражением “ваши врачи” Чехов противопоставляет себя северным людям; он уже достаточно хорошо знаком со спецификой этого места, чтобы делать выводы и давать советы.

В оппозиции север – юг можно выделить еще два полюса, достаточно ярко представленные в письмах, противопоставляемые друг другу, *столица – провинция*. И если столицу представляют Москва и Петербург: *Мое здоровье порядочно, но в Москву и в Петербург меня не пускают; говорят, что бацилла не выносит столичного духа* (ПСС, 2564), то все остальное – провинция: *...мой "Дядя Ваня" идет в провинции шибко, в каждом городе по несколько раз* (ПСС, 2458). Чехов подчеркнуто разделяет их: *Буду бомбардировать филантропов, столичных и провинциальных* (ПСС, 2944).

В письмах своим корреспондентам Чехов не раз выказывал свое отношение к провинции: *Я всегда в своих произведениях презирал провинцию – и ставлю себе*

это в заслугу (ПСС, 2664). Наверное, такое категоричное заявление следует объяснить тем, что это говорит Чехов – писатель, а, по его мнению, подкреплённому наблюдениями и большим опытом, чтобы научиться писать, творить, нужно *с головой влезть в литературу и полюбить ее*, общение с литераторами будет *с лихвой окупать неприятность и неудобство столичной жизни* (ПСС, 2507). Провинция с ее спокойной, размеренной жизнью *рано старит, затягивает нервных людей, отсасывает у них крылья* (ПСС, 2966). Поэтому Чехов считал, что писателю нельзя жить в провинции: *Нашему брату не следует жить в провинции*, а в отношении своего вынужденного длительного проживания в Крыму дает очень интересное субъективное понимание времени жизни в провинции: *Жизнь оседлая, правильная, да еще в провинции – это слишком длинная жизнь, месяц ее следует считать за год, как под Севастополем* (ПСС, 3085). Апелляция к прецедентному феномену Крымской войны обороне Севастополя вызывает ассоциации с осадой, выдержкой, обороной, проявлениями насилия.

Раздражающим фактором провинциальной жизни Чехов считал уклад жизни в Ялте, который формировал характеры, вкусы, увлечения людей. Наряду с номинацией “провинциал”: *провинциал говорил и держался хорошо*, метонимией *праздные провинциальные языки*, дает определение отличительной особенности характера – *провинциализм*. Причисляя себя к ялтинским обывателям, Чехов иронично замечает: *...мы, дуся, провинциальный народ мнительный* (ПСС, 3527).

Определяя свою провинциальную жизнь как скучную: *Смерть Соловцова, которому я посвятил своего "Медведя", была неприятнейшим событием в моей провинциальной жизни* (ПСС, 3580), Чехов планировал некоторое время проводить в Москве, ибо считал, что *...погибнуть от сурового климата гораздо достойнее, чем от провинциальной скуки* (ПСС, 2709).

Жизнь в провинции считал неполноценной, ограниченной, передавая свое состояние, Чехов писал: *Я чувствую, как здесь я не живу, а засыпаю или всё ухожу, ухожу куда-то без остановки, бесповоротно, как воздушный шар* (ПСС, 3127). Это не единственное сравнение с воздушным объектом, движущимся в неизвестном направлении, без определенной пространственной ориентации, в другом письме свое одиночество сравнивает с *кометой: я в этой Ялте одинок, как комета* (ПСС, 4405). Из длинного ряда сравнений: *ссылный, армейский офицер, заброшенный на окраину, заштатный поп, скупой холостяк, злой и старый*, это самые яркие, передающие внутреннее состояние писателя.

Столица для Чехова, проживающего в Крыму, – это семья, жена: *скучаю оттого, что тебя здесь нет* (ПСС, 3120), Художественный театр, где с успехом шли его пьесы: *Не видеть своих пьес – это моя судьба. Когда будете в Москве, то, пожалуйста, побывайте в Художественном театре, а потом мне расскажите* (ПСС, 2944); *мне скучно, я злюсь, злюсь и завидую той крысе, которая живет под полом в Вашем театре* (ПСС, 2906); это литература и литераторы, не те писатели и поэты, которые приезжали на отдых и лечение, а активные, творческие: *Все-таки скучно по Москве. Хочется с кем-нибудь поговорить о литературе, о том о сем, а говорить здесь можно только о литераторах, но не о литературе* (ПСС, 2916); *москвичи, московские газеты, московский звон, который он так любил: Я жив и почти здоров, но скучаю без культуры, без московского звона. Дорого дал бы, чтобы провести хотя один день в Москве и повидать всех вас* (ПСС, 3000); это «блага цивилизации» и продукты питания, которых недоставало в Ялте: *Завидую Вам, что Вы часто бываете там, где я уже лет шесть не был, т. е. в бане* (ПСС, 3132); *...с наступлением теплого времени в Ялте нет уже никаких закусок, нет ни икры, ни маслин, ни ветчины, ни даже алвы для матери* (ПСС, 3081). Но больше всего Чехов страдал от изоляции, от невозможности участвовать в культурной и

общественной жизни, от отсутствия новостей. Связь со столицей обеспечивали печатные издания, но, поскольку столичная корреспонденция запаздывала, а некоторые издания просто не доходили, зачастую приходилось довольствоваться чтением провинциальных изданий. И, несмотря на предвзятое отношение ко всему провинциальному, за хорошие новости и своевременно поданную информацию корреспонденты иногда удостаивались похвалы: *Ваша статья об Иветт Гильбер обошла все провинциальные газеты, и я читал в выдержках, так как "Русь" не получается в здешней читальне* (ПСС, 2534); *Я тут от скуки читал провинциальные газеты* (ПСС, 2575); *Провинциальные корреспонденты хороши, особенно из Вологды* (ПСС, 3025).

Таким образом, представив оппозиции север – юг, столица – провинция по материалам писем писателя, мы однозначно можем определить непреодолимое тяготение А. П. Чехова к северу и зависимость от центра, столицы. А так как в последние годы жизни писатель был вынужден жить в Крыму, где были написаны десять художественных произведений, созданы бессмертные пьесы, то представляется интересным проследить эволюцию языкового сознания писателя в этот период.

В конце восьмидесятых годов XIX века А. П. Чехов впервые приезжает в Крым, а с 1898 года, по совету врачей, он переселяется в Ялту. В письмах этого периода наиболее ярко и полно представлен Крым, доминирующий сегмент Южного пространства. Освоение всего нового проходит через призму оценивания и сравнения с другими подобными реалиями того времени.

Еще до знакомства с Крымом, живя в Мелихово и занимаясь врачебной практикой, больным с легочными заболеваниями, которые обращались за помощью, А. П. Чехов неизменно советовал ехать на лечение в Крым: *Со студентом Константиновым я познакомился в клинике и даже вчера получил от*

него письмо. Положение его не безнадежно. Я читал историю его болезни и вынес такое впечатление: в Крыму он поправится, или, по крайней мере, проживет не один год – при благоприятных условиях, конечно. Остроумов демонстрировал его на лекции и поставил удовлетворительную прогностику, ссылаясь на то, что у больного организм крепкий, выносливый, способный бороться с бактериями и что достаточно было К<онстантино>ву пожить в Ялте несколько месяцев, как здоровье его круто изменилось к лучшему (ПСС, 2004).

Предметом наших наблюдений будет Юг и его репрезентант – Крым, который в письмах обозначен топонимами: Крым, Таврида, Крымский полуостров, Таврическая губерния – название административной единицы.

Общая оценка периода жизни в Крыму, данная А. П. Чеховым, в общем негативная, многочисленные номинации и сравнения, подтверждающие наше предположение, находим в письмах писателя: оксюморон *теплая Сибирь: Ялта – это Сибирь!* (ПСС, 3231), *Мне хочется прочесть о моей пьесе, нетерпение, которое ты поняла бы, если бы жила, как я, в этой теплой Сибири* (ПСС, 4210), такое определение Крыма Чехов перенес с названия в XIX веке Кавказа как места ссылки, что подтверждают следующие номинации: ссылка: *Я живу в Ялте, скучаю здесь, как в бессрочной ссылке* (3658); тюрьма: *опять сижу в Ялте, в своей тюрьме* (ПСС, 3120); необитаемый остров: *я как на необитаемом острове* (ПСС, 3520); сравнения с островом Дьявола: *Сижу в Ялте, как Дрейфус на острове Дьявола* (ПСС, 2530), где прецедентное имя французского капитана Альфреда Дрейфуса, приговоренного в 1894 г. к пожизненному тюремному заключению за шпионаж в пользу Германии и сосланным на Чёртов остров, остров Дьявола, близ Кайенны, во Французской Гвиане выступает как номинация самого Чехова и объяснение номинации Крыма, и даже эпитет *благословенный*, со значением в Словаре С. И. Ожегова "*счастливый, благополучный*", приобретает в текстах

писем писателя ироничный оттенок: *А как много я теряю оттого, что живу здесь! И между прочим, как мало библиотека получила от меня за прошлый год оттого, что я на благословенном юге* (ПСС, 2601); *Здесь, в благословенной Ялте, без писем можно было бы околоть* (ПСС, 3036), *Мрут люди от истощения, от обстановки, от полного заброса – и это в благословенной Тавриде* (ПСС, 3071).

Крым в письмах Чехова чаще приобретает негативную семантику: теплые края Чехов рисует как «нездоровое» место, заселенное хронически больными пациентами, которых, согласно сложившимся в XIX веке общественно-бытовым стереотипам, врачи отправляли лечиться на юг.

Но, наряду с отрицательными, находим и положительные характеристики Крыма. По первому впечатлению при первом знакомстве с полуостровом писатель решил, что *Крымский полуостров блестящей будущности не имеет и иметь не может* (ПСС, 458), но после обоснования в Ялте, мнение переменял: *Надо иметь дачу в Крыму на берегу, у самого моря. Через 5-10 лет здесь будет очень хорошо – конечно, не зимой, а в сезон* (ПСС, 3085). Состояние Крыма на тот момент оценивает как хорошее, культурное, обозначая критерии цивилизации: *В Ялте канализация, водопровод, с весны начнут строить жел<езную> дорогу; говорят об электр<ическом> освещении. Одним словом, культура* (ПСС, 2506). Красноречивы в характеристике Крыма многочисленные сравнения с другими курортами не в пользу Крыма, краткие или аргументированные, неопровержимые, гиперболизированные (*теплее и красивее Крыма в сто раз*) или с включением в описание неологизма *ошеломиться*: с Ниццей: *Отчего бы тебе не приехать в Ниццу? Здесь тепло, совершенно летняя погода, а главное, жизнь дешевая, дешевле крымской, во всяком случае, и не такая скучная* (ПСС, 3263); Кавказом: *В Крым ехать я Вам не советую; уж коли хотите ошеломиться природой и ахнуть, то поезжайте на Кавказ* (ПСС, 483), с Мелихово: *Всё же в Мелихове лучше* (ПСС,

2407); с Полтавской губернией: *Полтавская губ. теплее и красивее Крыма в сто раз; место здоровое, веселое, сытое, многолюдное...* (ПСС, 475). Позже он изменил свое мнение и восторженно отзывался о Крыме как о хорошей здравнице, благоприятном месте для лечения больных чахоткой: *Кстати о Мейерхольде. Ему надо провести в Крыму всё лето, этого требует его здоровье. Только непременно все лето* (ПСС, 3039); *жить в Крыму очень здорово и чахоточные поправляются очень быстро* (ПСС, 3179). Хорошее самочувствие больных, по мнению врача, обусловлено благоприятным климатом: *В Курске холодно, в Харькове теплей, а в Крыму жарко, природа сияет* (ПСС, 2867).

В каком состоянии пребывало Южное побережье на рубеже XIX – XX веков, каковы его отличительные черты, обо всем узнаем из писем русского интеллигента, писателя и врача Чехова. Как активный общественный деятель, грамотный, любознательный гражданин, высококвалифицированный врач, популярный в то время писатель и человек с богатым опытом путешествий и освоения нового пространства, Чехов составлял свое мнение и давал оценку происходившим событиям и состоянию дел на полуострове.

Это не сбор статистических данных, не документальные свидетельства, это – реалистичные личные наблюдения и впечатления, представляющие особую ценность потому, что специфика эпистолярного жанра обуславливает непринужденность и интимность общения, тем более что никогда А. П. Чехов не писал письма с расчетом на публикацию и даже отказывал знакомым в печати его писем при жизни.

В сознании А. П. Чехова в период первого знакомства с Крымом доминируют познавательный и ценностный моменты, тесно связанные между собой.

Из всех населенных пунктов Крыма в письмах Чехова мы встречаем упоминания о следующих: Симферополь, Феодосия, Бахчисарай, Севастополь, Балаклава, на южном берегу: Гаспра, Гурзуф, Алупка, Алушта, Дереккой, Исар, Кучук-Кой, Ливадия, Массандра, Мисхор, Мухалатка, Олеиз, Ореанда, Симеиз, Форос, особенное положение занимает Ялта.

Поскольку в рамках статьи недостаточно места для описания всех крымских уголков, где довелось побывать Чехову, расскажем о тех, которые занимали значительное место в жизни писателя.

Впервые в Крым Чехов приехал в июле 1888 года по приглашению известного издателя и журналиста А. С. Суворина. Дача Суворина была в Феодосии, но Антон Павлович прибыл в Севастополь, затем проездом через Ялту добрался до Феодосии. Чехову нравилось проводить каникулы с семейством Сувориных: «самая лучшая дача», а со временем построенный *замок*, где всегда для писателя была готова комната, приветливые хозяева, с которыми никогда не было скучно. К приезду Чехова Суворины планировали экскурсии и встречи. Знакомство с «высшим» обществом города состоялось за завтраком у некоего татарина Мурзы, где собралась большая компания: главный морской прокурор, местные тузы, Айвазовский. Это была первая встреча Чехова с уже известным художником. Через неделю он побывал в имении Айвазовского Шах-Мамай, которое впечатлило писателя: *«роскошное, несколько сказочное»*. Хозяина характеризовал как *недалекого*, но по натуре *«сложного и достойного внимания»*: *В себе одном он совмещает и генерала, и архиерея, и художника и армянина, и наивного деда, и Отелло...; Был приятелем Пушкина, но Пушкина не читал. В своей жизни он не прочел ни одной книги* (ПСС, 460). Довольно много места в своем письме уделил Чехов описанию личности Айвазовского, неоднозначно характеризуя его, и только значительно позже, в письмах конца 90-х годов,

определяет свое отношение, выказывая неприязнь к этому человеку: *В Феодосии скучно, но мне нравится, особенно когда я не вижу Айвазовского* (ПСС, 2182), саркастически дает оценку прогрессивной деятельности художника, как определяет его «помесь добродушного армяшки с заевшимся архиереем»: *Город совершенно изгажен железной дорогой и добрым гением Феодосии. Армянский дух этого гения чувствуется на каждом шагу* (ПСС, 460). Еще одна реалия того времени: только построенная железная дорога, и мы уже получили ее оценку Чеховым. Кроме того, писателя беспокоило планируемое строительство незамерзающего порта, свое негативное отношение выразил в письме А. С. Суворину, подкрепив поговоркой: *Не было у бабы хлопот, так она купила поросю. И мне кажется, что с этим незамерзающим портом мы наживем себе массу хлопот* (ПСС, 1558).

В целом, Феодосия не понравилась писателю, называя ее “городишко”, где суффикс -ишк- вносит уменьшительно-пренебрежительное значение, дает ему определение: *серовато-бурый, унылый и скучный* с негативной семантикой. Для описаний реалий Феодосии вообще характерно употребление суффиксов субъективной оценки, например: лето, принесшее *«жарищу и духоту невозможные»*, где суффикс -ищ- употреблен со значением увеличения признака [2, с. 250].

О Симферополе и Севастополе из писем Чехова извлекаем информации немного. В столице Крыма писатель был только проездом, в Севастополе бывал тоже чаще транзитом по пути на Южный берег или в Москву, иногда выезжал навстречу приезжающим родным и гостям. Первое знакомство с городом состоялось в июле 1888 года, первое впечатление было благоприятным: *Город красив сам по себе, красив и потому, что стоит у чудеснейшего моря*. Был несколько разочарован, когда почему-то не обнаружил не только флота, но и

приличных суден: *Кроме "поповок", похожих на московских купчих, и кроме 2-3 сносных пароходов, нет в гавани ничего путного.* Надо отметить, что в конце XIX века Черноморский флот был одной из главных достопримечательностей Севастополя, ежедневно в послеобеденное время все корабли Императорского Черноморского флота, а это крейсер "Память Меркурия", броненосцы "Синоп", "Екатерина II", "Георгий Победоносец", "Князь Потемкин Таврический" и другие были открыты для осмотра всех желающих, видимо, после продолжительного ужина накануне с изрядной порцией вина: *натрескались вина*, не все было замечено и интересно.

Самые яркие воспоминания о Севастополе связаны с посещением Георгиевского монастыря: *В Севастополе в лунную ночь я ездил в Георгиевский монастырь и смотрел вниз с горы на море; а на горе кладбище с белыми крестами. Было фантастично* (ПСС, 2413). Чехов редко бывал в Севастополе, потому что у него не было там знакомых и друзей: *в Севастополе – ни души знакомой* (ПСС, 4364). По этой причине ему приходилось останавливаться в гостиницах, и, видимо, неудачно, потому как считал их "разбойничьими": *Гостиницы в Севастополе отвратительные, подлые* (ПСС, 3556) где в прилагательном *подлые* заключен метонимический перенос черты характера человека на неодушевленный объект.

Если сведения о крымских уголках, посещенных А. П. Чеховым, отрывочны и пунктирны, то о столице курортной жизни – Ялте – получаем полное представление из писем.

Систематизировав материал о Ялте, мы выделили несколько рубрик:

1. Номинации и характеристики города.
2. Транспортное сообщение с Ялтой.
3. Климатические условия. Погода.

4. Население. Общество.

Номинации и характеристики города

Интересны и информативны номинации Ялты в письмах Чехова: *Ялта – это помесь чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мещански-ярмарочным; жидовствующая Ялта; татарско-парикмахерский город, татарско-дамский град.* Ялта предстает как место неопределенное, несколько пошловатое, связанное с большим количеством проживающих татар и евреев, где количество женщин преобладает, по подсчетам Чехова, приблизительно в двадцать раз, но и женщины непривлекательны, «пахнут сливочным мороженым». Можно предположить, что татарско-парикмахерским градом назвал Чехов Ялту потому, что ему показалось большим количество парикмахерских в городе, но, зная, какое значение играли запахи в жизни Чехова, помня о *парфюмерном запахе вместо запаха кедров и моря*, который один из первых уловил писатель, едва впервые сошел на берег, можно предположить, что этот одорологический знак вызвал ассоциацию с парикмахерской.

Вообще, в разные периоды жизни, в разных ситуациях оценка Ялты Чеховым меняется от положительной: «европейски чистый и благоустроенный город», «лучшее место для одинокого больного», «милый город», «красавица Ялта», «благословенная Ялта», до резко отрицательной во время приступов меланхолии: «уездный городишко», «скучнейшая Ялта», «паршивая Ялта», называет «пустыней», «ссылкой», «тюрьмой». В начале знакомства с городом больше восторженные отзывы: *Если бы мне через 10-15 лет иметь дом в Ялте и маленький хутор в окрестностях, то я бы ничего больше не хотел для своей старости* (ПСС, 2431); после длительного одинокого проживания в Крыму –

пессимистические: *Я в Ялте, в ссылке, быть может, и прекрасной, но всё же ссылке* (ПСС, 2915); ироничные с долей сарказма: *А этот милый город надоел мне до тошноты, как постылая жена. Он излечит меня от туберкулеза, зато состарит лет на десять* (ПСС, 2995).

Характеризуя Ялту, Чехов прибегает к сравнениям, иронизируя: *Ялта же мало чем отличается от Ельца или Кременчуга; тут даже бациллы спят* (ПСС, 2564); *Милая Маша, в Ялте снег, дождь, холод, грязь – в этак уже целую неделю. Точно в Новоселках* (ПСС, 1406); *в Ялте каждый день дождь, сыро, становится похоже на Вологду; так как у нас в Ялте нет ничего ни нового, ни интересного, живем, как в Чухломе или Васильсурске, старимся, пьем декокт, ходим в валенках...; В Ялте ничего нового, ничего хорошего, живем, как в Рузе или в Волоколамске; Калуга, вероятно, скучнейший из всех русских городов, но все же это лучше Крыма и Ялты; А вот к Ялте не могу привыкнуть. В хорошую погоду казалось, что все хорошо, а теперь вижу – не дома! Точно я живу теперь в Бирске, том самом, который мы с тобой видели, когда плыли по Белой.* Провинциальные городки и селения: Елец, Кременчуг, Новоселки, Вологда, Чухлома, Васильсурск, Руза, Волоколамск, Калуга, Бирск, в сравнительных характеристиках в письмах Чехова выигрывают в сравнении с Ялтой.

Называя окрестности Ялты “сплошной Азией”, Чехов, прежде всего, имел в виду неустроенность, полное отсутствие “благ цивилизации”, о Ялте отзывался как о культурном месте, сравнивая с Ниццей не в пользу последней: *В Ялте в культурном отношении пошли даже дальше, чем в Ницце, тут есть прекрасная канализация* (ПСС, 2430). В 1888 году произошли два события, поставившие Ялту в число самых передовых городов империи: был пущен новый водопровод и устроена городская канализация. Канализация – предмет гордости местных властей – была устроена по “сплавной системе”: городские нечистоты попадали в

главный коллектор, проходивший под набережной, а оттуда сбрасывались просто в море за корнем ялтинского мола [7, 98]. С прокладкой в Ялте водопровода и канализации в корне изменилось отношение писателя к городу: *Здесь водопровод, канализация, электрич<еское> освещение in spe*, пройдет железная дорога, одним словом, чудеса культуры* (ПСС, 2536), и, прежде всего, как курортному: *В Ялте прекрасная канализация, хорошая вода, и если бы для людей со средним достатком были устроены здесь удобные квартиры, то это было бы самое здоровое место в России, по крайней мере, для грудных больных* (ПСС, 2559). Для соблюдения правил гигиены больными, безусловно, была нужна вода, а поскольку недостаток воды жители Ялты ощущали во все времена, водопровод помогал решить эту болезненную проблему. Чехов не раз в письмах давал сводку по воде: *В водопроводе воды почти совсем нет, я вмешался и теперь буду починять водопровод, авось к Пасхе всё устроится* (ПСС, 3067), беспокоило строение предположения по поводу отсутствия наполнения системы водоснабжения: в водопроводе совсем нет воды – и одни говорят, что это от бесснежной зимы и так будет всё лето, другие же говорят, что труба лопнула, и мер никаких не принимают, а в одном из писем П. Ф. Иорданову весной 1902 года признается в своей привычке использования этого технического устройства: *Если бы в Таганроге была вода или если бы я не привык к водопроводу, то переехал бы на житье в Таганрог; Когда в Таганроге устроится водопровод, тогда я продам ялтинский дом и куплю себе какое-нибудь логовище на Большой или Греческой улице* (ПСС, 3737).

Чуть позже, в 1900 году, в Ялте появилось электрическое освещение, и этому “благу цивилизации” Чехов был несказанно рад: *Радуюсь, радуюсь главным образом за себя, так как увидеть вас всех, да еще при полной обстановке, при электрическом освещении – это мечта, в осуществление которой, признаться, я*

не верил до последнего времени (ПСС, 3074). Надо отметить, что для Чехова электрическое освещение было непривычным и новым явлением, в это время не каждый дом в Москве имел лампы накаливания. Одним из первых вопросов у Чехова о квартире, нанятой в Москве женой и сестрой в декабре 1901 года, было наличие электрического освещения: *Очень рад, дуся, что ты и Маша довольны новой квартирой. И электричество есть? Это очень хорошо* (ПСС, 3545).

Еще одним “достижением культуры” Чехов называет железную дорогу, о строительстве которой начинает упоминать в письмах с сентября 1898 года, ссылаясь на слухи (вводное слово *говорят*): *говорят, что...через 1 1/2 – 2 года, пройдет железная дорога у самого имения* (ПСС, 2416). В течение четырех лет, вплоть до зимы 1902 года, Чехов лелеял надежду отправиться в Москву не из Севастополя, а из Ялты, мечтал, что билет можно будет купить в Ялте: *Настойчиво уверяют, что между Ялтой и Севастополем будет строиться скоро железная дорога и что до постройки, теперь же, билеты от Севастополя до Москвы будут продаваться не в Сев<астополе>, а в Ялте* (ПСС, 3849); и пусть сначала говорили об изменении маршрута: *Что касается железной дороги, то увы! – она пойдет на Массандру через Дереккой, это уже решено. Около Кучукоя не будет железной дороги;* и переносились сроки начала строительства: *С будущего года в Ялте железная дорога;* писатель хотел верить, что *Железная дорога будет очень скоро* (ПСС, 2431). Но, к сожалению, не суждено было попасть в Ялту по рельсовой дороге ни в 19, ни в 20, ни в начале 21 века.

Ялта с каждым годом росла и хорошела; в своих письмах друзьям и знакомым Чехов описывал все преобразования: удлинение мола, расширение набережной, постройки: *Новости: будут расширять набережную и удлинять мол (на 100 саж<ен>)* (ПСС, 2541).

Театр

При первом знакомстве с городом после переезда в Ялту, писатель не сразу нашел театр: *Здесь в Ялте нет театра; приходится довольствоваться только чтением театральных рецензий* (ПСС, 2487). Но уже через месяц письмо сестре писал в театре, сидя на галерке, нелестно отзываясь о нем: *Пошлый оркестрик и галерка напоминают мне детство* (ПСС, 2525). В письмах жене, жалуясь на скуку, делился впечатлениями о репертуаре: *В театре оперетка*, и саркастически добавлял: *Дрессированные блохи продолжают служить святому искусству* (ПСС, 2877).

Большим культурным событием для Ялты стал приезд труппы Московского Художественного театра. Билеты на спектакли были распроданы в один день, и, по замечанию Чехова, *если бы театр был вдвое больше, то и тогда бы билетов не хватило*, тогда как *полных сборов в театре никогда не бывает и театр пустует* (ПСС, 3070).

На спектаклях присутствовали А. П. Чехов, А. М. Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Куприн, И. А. Бунин, С. А. Найденов, С. Я. Елпатьевский, К. М. Станюкович, С. Г. Скиталец, Н. Г. Гарин-Михайловский, Е. Н. Чириков. Успех выступлений был необыкновенный. На заключительном представлении «Чайки» писателю преподнесли пальмовые ветви с приколотой красной лентой со словами: «Антону Павловичу Чехову, глубокому истолкователю русской действительности. 23 апреля 1900 года».

В сентябре того же года театр сгорел, но это не очень расстроило писателя, т.к. у него сложилось мнение, что *он был здесь совершенно не нужен...* Однако актеры продолжали играть на временной сцене, Чехов жаловался жене на их

новую постановку его пьесы: *В театре здешнем... идут сегодня "Три сестры"*.
Актеры отвратительные, обстановка еще того хуже (ПСС, 3548).

Гимназия

Особенное место в ялтинской жизни Чехова занимала женская гимназия. *Приют мой – это женская гимназия, где я обедаю часто у начальницы с классными дамами и учительницами; обедаю и гуляю* (ПСС, 2425), – писал он сестре 4 октября 1898.

Буквально после первого знакомства с гимназией, Чехов был назначен членом попечительского совета: *Назначили в женскую гимназию членом попечительного совета. И я теперь с важностью хожу по лестницам гимназии, и гимназистки в белых пелеринках делают мне реверанс* (ПСС, 2446); *Имею право носить мундир VI класса, так как избран членом попечительного совета женской гимназии* (ПСС, 2454), и, надо отметить, относился с полной ответственностью к исполнению обязанностей: он часто бывал в гимназии и в гостях у начальницы, иногда гимназистки приходили в гости в дом Чеховых, где им строго-настрого запрещалось шуметь, обменивались подарками, их посещения, узнаем из писем, в 1900 году были довольно частыми, и тогда девочкам было назначено посещение писателя по четвергам, где их всегда радушно встречал хозяин Белой дачи. Чехов писал жене: *у меня в гостях была женская гимназия...* (ПСС, 2518); *У меня гости: начальница гимназии с двумя девицами* (ПСС, 3133), писатель носил в “свой приют” деликатесы и сладости: *В субботу я посылал в женскую гимназию к 12 часам бубликов, икры и всяких сладостей – это для классных дам и учительниц; все ели и потом благодарили в телефон* (ПСС, 2643), в дар получал книги и журналы: *"Мир божий" принесли мне из женской гимназии и обещали доставлять*

мне каждую книжку (ПСС, 3964). В праздники и творческие вечера писатель был желанным гостем, подбирал пьесы для театральной постановки, Чехов охотно откликался на просьбы начальницы и учителей: помогал подбирать репертуар театральных постановок: *Милая кума, возвращаю Вам условие – с благодарностью за хлопоты. Пьесы получил – уже сдал в женскую гимназию, где будут играть их* (ПСС, 2443), заказывал для учителей билеты на спектакли в Москве: *Милый Александр Леонидович, будьте добры, окажите протекцию подательнице сего Вере Ефимовне Голубининой, учительнице Ялтинской женской гимназии, моей хорошей знакомой, запишите ей одно место в партере на мою "Чайку"* (ПСС, 2533).

Надо отметить, что за все годы дружбы великого писателя с гимназией, общение с начальницей, учителями и участие в жизни гимназисток никогда не вызывали у него отрицательных эмоций: *я, впрочем, уклоняюсь от общественной жизни и бываю только в ж<енской> гимназии, которая по-прежнему мила* (ПСС, 2528).

Транспортное сообщение с Ялтой.

В письме О. Р. Васильевой, советуя приехать в Крым, Чехов характеризует пути сообщения как “удобные”, отмечая их доступность по цене: *Пути сообщения здесь хорошие, завелись и дешевые* (ПСС, 3329).

До 70-х годов XIX в. путешествие в Крым было осложнено ввиду несовершенства отечественных путей сообщения: чтобы попасть на Южный берег приходилось проделывать более тысячи верст по почтовым трактам до Крыма или до Одессы, откуда на маленьком и не всегда чистом пароходике переправиться в крымский порт. Можно было проделать водный путь по Днепру или Волге, а

затем по Дону, чередуя с сухопутным до Азовского моря и далее. Дорога была так утомительна и обходилась дорого, что путники выдумывали все новые и новые варианты сообщения, некоторые из них представлялись парадоксальными: через Западную Европу. После введения в строй сети железных дорог, а в 1875 году с открытием Лозово-Севастопольской железной дороги, которая наконец-то соединила Москву и Крым, “железный путь” пришел в Тавриду.

Строительство южнобережного шоссе и развитие судоходства предоставили возможность добираться от станции в Севастополе до пункта назначения наземным или водным путем.

В письмах А. П. Чехова море в значении □транспортная магистраль□ (водный путь, дорога), выступает как более удобный в сравнении с сухопутным способом передвижения: *плыть теперь гораздо удобнее, чем ехать, даже и не в особенно хорошую погоду* (ПСС, 3669); *Нат<алия> Мих<айловна> вчера уехала на лошадях, хотя море было как зеркало* (ПСС, 2505) и транспортировки грузов: *доставка морем стоит гораздо дешевле* (ПСС, 2415).

Однако жене, знакомым и больным советовал не рисковать, добираясь в ненастную погоду, когда на море шторм, отдавать предпочтение передвижению экипажем: *если застанешь в Севастополе сильный ветер, если на вокзале будут говорить про бурю на море, то с вокзала поезжай прямо на почтовый двор и найми там колясочку, конечно крытую, еще лучше карету* (ПСС, 3659); *Приехав в Севастополь, наведите справку, в каком положении море. Если оно будет бурно, то лучше поезжайте на лошадях* (ПСС, 2537).

Очень подробные и информативные советы относительно проезда дает писатель знакомым: *Вам нужно будет выехать на скором поезде в Севастополь и отсюда – в Ялту, на пароходе или на лошадях. На пароходе дешевле и значительно скорее и, если погода тихая, несравненно удобнее и приятнее; проезд*

в первом классе с удовольствием не дороже 3 р. с человека. Воскресенье, вторник, среда и пятница – это дни, в которые идет из Севастополя пароход; стало быть, Вы должны рассчитать так, чтобы приехать в Севастополь в один из этих дней и с вокзала прямо на пристань. Сообщение на лошадях поддерживается ежедневно; на так называемом мальпосте берут по 6-7 р. с человека, за почтовую коляску от 20 р. до 30 р. – это приблизительно (ПСС, 2515).

Климатические условия. Погода.

Климатические условия Крыма очень разнообразны. Благодаря мягкому климату курорт Ялта всегда считался самым благоприятным для грудных больных. Не случайно после сильного обострения легочного процесса Чехову врачи рекомендовали, а он сам, как врач, выбрал постоянным местом жительства Южное побережье Крыма. И все его дальнейшие путешествия планировались с учетом климатических условий местности: так, главной просьбой к жене, составлявшей маршрут для путешествия по Швейцарии, была *“красивое место и климат”*.

Климат Южного побережья писатель характеризовал олицетворением *благородный*. Характеризуя комбинацию новых для него явлений в природе, определял климат грибоедовским выражением *“смесь французского с нижегородским”*. Впоследствии не раз в письмах своим корреспондентам подтверждал благоприятное его воздействие на организм: *“климат на меня действует хорошо”* (ПСС, 2503), *“Мать и бабушка Доремидонтовна здоровы, крымский климат, очевидно, идет им на пользу”* (ПСС, 2966), но холодными вечерами, коченея от холода, в письмах друзьям называл его *отчаянным*, в значении □ очень плохой, крайне скверный □. Постоянные недомогания зимой, которые изнуляли организм, Чехов связывал с местным климатом, необходимость

терпеть холод в изолированном пространстве доводили писателя до отчаяния, и тогда наряду с любовью к климату рождалось презрение, которую он, иронизируя, сравнивал с любовью и презрением *хорошеньких, но скверных женщин* (ПСС, 4411).

Как мы отметили, погода, а именно тепло и сухость воздуха, имели большое значение для самочувствия писателя, поэтому очень часто находим в письмах строки о состоянии природы, Чехов даже пытался составить календарь погоды, чтобы планировать свои поездки в Москву без ущерба для здоровья. Подобный календарь он вел у себя в Мелихово, поэтому практика наблюдения и фиксации уже была.

В письмах, написанных в первый продолжительный период пребывания в Ялте, с 19 сентября 1898 года по 10 апреля 1899 года, писатель делится первыми, иногда неожиданными, впечатлениями о погоде. Почти в каждом письме родным несколько строк непременно о погоде, иногда, даже с извинениями: *Тебе надоело уже читать про погоду, но не могу удержаться, чтобы не написать* (ПСС, 2684).

В конце октября – отмечал Чехов – а розы и прочие цветы цветут взапуски, деревья зелены и тепло (ПСС, 2455). В начале декабря Чехов попытался определить особенность сезонного изменения погоды на Южном берегу: *Что касается самого главного – погоды, то тут нельзя сказать ничего определенного. Вся осень была прекрасной; теперь, в декабре, погода стоит теплая, тихая, и больные чувствуют себя хорошо. Январь и февраль считаются здесь самыми холодными месяцами; в эти месяцы бывают здесь холодные резкие и продолжительные ветры, снег, морозы (редко ниже -5), но бывает и теплая погода. Повторяю, ни предсказать, ни сказать чего-нибудь определенного нельзя, всё зависит от счастья, ибо здешняя погода зимой – это лотерея. Весна начинается в марте, а в апреле здесь уже очень хорошо* (ПСС, 2515).

И действительно, часто погода преподносила сюрпризы впервые зимующему Чехову. Ожидая прихода зимы, в конце ноября Чехов писал брату: *Погода в Ялте совершенно летняя, +26. Жарко. Цветы и розы. Сегодня я ходил в летнем пальто. Море как зеркало. Вот тебе и зима* (ПСС, 2485); и сестре: *Погода очень хорошая, ясная, тихая; когда наступит зима, неизвестно; Сегодня тепло, даже жарко. Зимы всё еще нет* (ПСС, 2534). Пытаясь точно объяснить состояние природы, прибегает к сравнениям, доступным для понимания корреспондентами: *Похоже на наш апрель; ...бывают чудесные дни, напоминающие наш апрель. Погода здесь порядочная, похожа она очень на наши теплые осенние дни в начале октября* (ПСС, 2513); *Сегодня тепло, даже жарко. Зимы всё еще нет. Похоже на наш апрель* (ПСС, 2534); *Миндаль отцветает, и веет теплом, как у нас в хороший апрельский день* (ПСС, 2682); *сегодня шел дождь, как в мае, теплый* (ПСС, 2996); *погода паскуднейшая; такая погода бывает в марте в Москве на Живодерке* (ПСС, 2649); *в Ялте снег, дождь, холод, грязь – и так уже целую неделю. Точно в Новоселках* (ПСС, 3067). *Погода сегодня изумительная, майская* (ПСС, 3067). Взглянув с окна 2 декабря, увидел снег и констатировал: *Очевидно, и здесь зима* (ПСС, 2505). Первый снег в сочетании с зеленой травой и деревьями, цветущими гвоздиками удивили писателя, как и потом надолго установившаяся хорошая погода. В течение зимы наблюдаемая частая резкая смена погоды становилась одной из тем писем родным: *В тот день, когда ты уехал, вечером поднялся ветер, пошел дождь; вчера весь день дул свирепый ветер, шли дождь и снег вместе, сегодня опять тихо и ясно* (ПСС, 2561); *Погода летняя; Идут дожди. Осенний дождь стучит в окна, точно в Мелихове* (ПСС, 2591); *Вчера был совершенно летний, ясный день, сегодня идет дождь, завтра может подуть северн<ый> ветер со снегом* (ПСС, 2633). В письме от 2 февраля выражает надежду на начало весны: *В Ялте дождь, но тепло. Скоро весна* (ПСС, 2623); *В Ялте начинается*

весна; кричат птицы, теплые дожди, цветет кое-что (ПСС, 2625); *Сегодня утром валит пушистый снег, но здесь уже весна все-таки, и я начинаю в Аутке посадку деревьев* (ПСС, 2640); но только в письмах от 4 марта констатирует приход весны: *У нас уже кончилась зима, весна великолепная* (ПСС, 2670); *Погода великолепная, весенняя*, в сравнении со средней полосой России: *В Ялте уже весна* (ПСС, 2682). Особенно восхитили писателя теплые мартовские деньки: *Третьего дня подул горячий ветер, вдруг наступило лето, и теперь не могу сказать, как чудесно кругом* (ПСС, 2684), но после установившегося тепла опять вернулись холода: *После весны началась здесь в Ялте зима; снег, дождь, холодно, грязно – хоть плюнь* (ПСС, 3071), в целом расценил март как плохой: *Холодно, пасмурно; светлые дни редки* (ПСС, 2698), хотя последние дни месяца вновь порадовали больного: *Погода стала чудесной, с моря уже не дует сыростью, всё так нежно и трогательно* (ПСС, 2703). Писатель, торопившийся в Москву, регулярно получал из столицы сводку о погоде в столице, разница с крымской была значительной, и, когда подошло время отъезда, а в Ялте уже началась летняя жара, писателю не захотелось уезжать отсюда. Хорошая погода благоприятно действовала на самочувствие Чехова, и даже пережив тяжелую зиму, он остается верен словам, сказанным осенью 1898 года: *...в Крыму хорошо, так хорошо, что сказать не могу. Погода изумительная, настоящее лето* (ПСС, 2452); *Погода в Ялте теплая, совершенно летняя. Если бы у меня были деньги, то я перебрался бы сюда навсегда* (ПСС, 2432).

Когда оставался на зимовку в следующие годы, с учетом особенностей климата и составившихся представлений, корректировал время и место пребывания: *Если в марте в Ялте будет дурная погода, то, по всей вероятности, и я тоже поеду в Монте-Карло* (ПСС, 2536).

Некоторым месяцам писатель дает характеристику, так, февраль называет *паскудным*, самым плохим месяцем, март оценивает неоднозначно – *бывает хорош и не хорош*; погоду апреля определяет как *роскошную*.

Население. Общество.

Местное население

По сведениям "Журнала заседаний Таврической губернии земского собрания 1903 г." к началу XX века в Ялте насчитывалось около 20000 жителей.

Национальности.

Коренное население состоит, главным образом, из так называемых крымских татар-магометан, которые составляют 89% всех жителей, затем по численности идут русские – 6,3%, евреи и греки по 2 %, остальные – турки и представители прочих национальностей.

Крымские татары или крымцы – коренной народ Крыма. Свою историю начинают с 1223 г., времен вторжения монгольской орды Чингисхана в Крым. До наших дней сохранились средневековые татарские поселения, много топонимов и гидронимов Крыма имеют крымскотатарское происхождение. В письмах А. П. Чехова мы встречаем описание трех поселений татар на южном берегу Крыма: Аутка, Кучук-Кой и соседняя деревушка даже без названия. Впервые познакомившись с Ялтой, в письмах друзьям именовал ее *татарско-парикмахерский город*, писателя удивило абсолютное большинство местных жителей – татар и сразил парфюмерный запах (ПСС, 669). Свою «Белую дачу», название которой, по словам Чехова, дали извозчики и татары, писатель построил в Верхней Аутке, коренным населением которой были татары, так началось знакомство с представителями этой народности. Приобретенное осенью 1898 года имение Кучук-Кой также населяли в основном татары (ПСС, 2514). Современному читателю, даже крымчанину, может не совсем быть понятно его

месторасположение. Зная перевод Кучук-Кой дословно “маленькая деревня”, мы получаем представление о размерах поселения, а если поедем из Ялты до Оползневого, а затем по довольно крутому склону петляющей дороги спустимся в Парковое, то его жители, вероятно, объяснят, что прежде их поселок так назывался. Письма этого периода дают развернутые характеристики и, судя по описаниям, надо отметить, что у А. П. Чехова сложились доброжелательные отношения с местным населением. Представить характеристику татар можно следующими рубриками:

- время и места поселения в Крыму;
- особенности архитектуры и устройства жилища;
- хозяйственная деятельность, род занятий, национальная кухня;
- обычаи и нравы;
- внешность, особенности характера

В письме А. С. Суворину от 27 декабря 1898 г. есть упоминание о старике татарине, который умер в 127 лет, при этом отмечается, что он помнил еще Екатерину II. Известно, что приезд Екатерины в Крым состоялся 1787 году, таким образом, этот татарин был в возрасте 11 лет.

Описания особенностей архитектуры и устройства татарской деревни находим в письмах, связанных с приобретением имения в деревне Кучук-Кой. Описывая строения, А. П. Чехов отмечает совмещение русского и татарского стилей. В татарском стиле построен флигель, о котором говорится: *это уже не дом, а сакля в татарском вкусе*, иронично представляет как строение *татарской архитектуры*. Описывая расположенную рядом татарскую деревушку, писатель использует своеобразный эпитет «наивный» при характеристике улиц (там же). Можно предположить, что определение «наивный» в какой-то степени относится и к общему укладу жизни татар, но, зная особенности архитектуры дома

южнобережного района, скорее всего, наивными назвал автор письма их потому, *что их, собственно, нет совсем. Вместо них имеются кривые каменные лестницы в узких промежутках между двухэтажными домами, которые громоздятся один над другим, образуя по склону ущелья сплошную многоярусную постройку* (ПСС, 2416).

Хозяйственная деятельность татар довольно проста. Занимаются они земледелием, садоводством и виноградарством, выращивают табак. Среди возделываемых культур выделяется особый сорт лука, *похожий на испанский* (ПСС, 2416). Очевидно, это сорт, близкий к современному красному ялтинскому луку. Основное занятие взрослого населения – сельскохозяйственная деятельность, причем отмечается ее круглогодичность: *мы не татары и в Кучукое весь год не сидели бы* (ПСС, 2431).

Из писем мы узнаем о еще одном занятии – торговле. Причем не только о товаре, но еще получаем его характеристику: продаваемые ими бублики определяются как «вкуснейшие» (ПСС, 2453). Отрывочные сведения о национальной кухне удастся почерпнуть из писем, описывающих первое знакомство с представителями этой народности, которое произошло в первый приезд Чехова в Крым, в имение Суворина в Феодосии. Через час после прибытия его повезли на завтрак к некому татарину Мурзе, где писатель оказался в большой компании местных знаменитостей: Айвазовский, морской прокурор, его жена и другие. Подробно описывая застолье, как особенность национальной кухни Чехов отмечает жирность блюд и их приятный вкус.

Живя по соседству с представителями коренного населения Крыма, Чехову довелось общаться с татарами как с бедными, так и имеющими большие состояния, причем дистанция между ними была значительна. Если Мурза и богатый татарин, который пришел просить у Чехова денег в долг под проценты могли позволить

себе содержать гаремы (ПСС, 3562), то остальным приходилось наниматься на работу на стройки, земляные и другие работы, причем работать там *усердно*, чтобы заработать и прокормить семью (ПСС, 2924). Дети, по крайней мере в Аутке, узнаем из писем, ходят в татарскую школу, и Чехов оказал помощь в приобретении для учащихся досок, тетрадей и канцелярских принадлежностей, о чем просил брата Ивана в письме осенью 1899 года (ПСС, 3073).

При характеристике обычаев и нравов внимание акцентируется на гостеприимстве: *Угощают виноградом и яблоками* (ПСС, 2416), и взаимном доверии: запереть дома нет необходимости, так как *краж не бывает* (ПСС, 2416) Чехов неоднократно повторяет, что иметь дом в Кучук-Кое очень удобно, потому что *сторож не нужен* (2416). В одном из писем жене Чехов делится впечатлениями от обычая провожать в иной мир умерших родственников, когда умерла молодая татарка, *всю ночь и сегодня весь день голосили по ней родственники* (ПСС, 3807).

Представление о внешности представителей данной народности получаем пунктирно. Отличительная черта всех татарских женщин – красота, что не раз подчеркивал Чехов в корреспонденции: *В случае, если не дай бог, Вас задержит что-либо (например, красивая татарка), то скажите мне в телефон* (ПСС, 2464). В следующем поэтическом сравнении крымской весны с красивой татаркой подчеркивается недоступность, недозволенность любовных отношений с представителями женского пола этой народности: *Скоро у вас весна, настоящая, русская, а у нас уже крымская весна в самом разгаре; здешняя весна, как красивая татарка – любоваться ею можно, и всё можно, но любить нельзя* (ПСС, 3336). Мы не знаем, что Чехов расценивал как привлекательное у татарских женщин, находим только указание на наличие одного элемента туалета – татарские туфли. К особенностям характера татар относится жизнелюбие: упоминаемый нами 127-

летний старик за два года до смерти успел жениться. При этом отмечается, что именно этот факт его биографии «больше всего нравится здешней публике (ПСС, 2546).

Таким образом, буквально из десяти писем мы смогли получить достаточное количество информации, которая позволила нам реконструировать фрагмент картины мира А. П. Чехова, связанный с крымским уголком и коренными жителями Крыма – татарами.

Русские на Южном берегу Крыма – это владельцы дач и имений на Южном берегу и те, кто вынужден был поселиться в Крыму по состоянию здоровья, а среди них были люди разных сословий и профессий: *Милая Маша, у нас министерский кризис. Мустафа ушел, и на его место приглашен Арсений, русский в пиджаке, грамотный, служивший в Никитском саду. Его хвалят. Молод* (ПСС, 2939).

Греки, проживавшие в Ялте, воспринимали Чехова как близкого человека, видимо, этому способствовало знание греческого языка, приобретенное будущим писателем в годы учебы в греческой школе при церкви св. царя Константина в Таганроге.

Не называя имен и фамилий, находим сведения о том, что без стеснения обращались за медицинской помощью: *Сегодня утром приходил чахоточный грек лечиться* (ПСС, 3523); финансовой: *Сегодня приходил грек и просил 600 р. под проценты* (ПСС, 3565). Одна неприятная ситуация в жизни Чехова, в которой писатель выделил такую отрицательную черту как любопытство и воровство, была также связана с греком: *Сегодня задержали около нашего почтового ящика грека, который вытаскивал письма* (ПСС, 3665).

Среди ялтинских знакомых Чехова были и **евреи**, которые обращались по разным вопросам за помощью.

Надо отметить, что положение евреев в Крыму в то время было непростым: им можно было проживать на полуострове только после получения особого разрешения, не всех их детей принимали в гимназии, однажды писателю даже пришлось хлопотать о приеме еврейского мальчика: *Дуся моя хорошая, узнай, не может ли полк<овник> Стахович дать письмо...министру народного просвещения Зенгеру о том, чтобы приняли одного еврея в ялтинскую гимназию. Этот еврей держит экзамены уже 4 года, получает одни пятерки, и все-таки его не принимают, хотя он сын ялтинского домовладельца. Жидков же из других городов принимают* (ПСС, 3818).

Хотя евреи обычно устраивались в Крыму хорошо: жили общиной, работали, из писем мы узнаем, что Чехов посещал стоматолога – еврейского старосту, и даже имели свое кладбище.

С **турками** А. П. Чехов знакомится с началом строительства дачи в Аутке, т.к. и сосед по участку Мандраджи, которого называл *наш здешний Вареников* (ПСС, 2490) (Вареников – сосед Чеховых в Мелихово), и строители – турки. Первоначально у А. П. Чехова сложилось впечатление о турках как о навязчивых людях: *пристает с разговорами* (2490), и глупых: *турки ничего не понимают* (ПСС, 2490), но, познакомившись поближе, стал убеждаться в верности суждений местных жителей об этом народе, как о честных, преданных людях, и даже в помощники по обустройству сада нанял старательного турка Мустафу, которого характеризовал так: *Физиономия добрая, силища громадная, нищета, трезвость и благородные принципы* (2638). Для выполнения больших по объему и сложных работ в саду, например, рытье плантажа, Чехов приглашал турок и оставался ими доволен (ПСС, 3560). После месяца совместной работы с турком Чехов в письме сестре сообщает, что смотреть за посадками в его отсутствие останется Мустафа, как “человек надежный” (ПСС, 2679). Наблюдая за работой и жизнью

помощников, писатель подмечал и узнавал много нового для себя. В письме А. С. Суворину делится наблюдениями за образом жизни турков: «они весь день ничего не едят», потому как мужчины очень религиозны, а «религиозных дам» у них нет, поэтому вера сильна, и, когда кричит муэдзин на минарете, все спешат на службу.

Колорит жизни турков постепенно овладевает сознанием Чехова, и вот мы встречаем сравнения с реалиями их быта: *Но зато вид с нашего участка! Это не вид, а рахат-лукум* (ПСС, 2490), где, желая подчеркнуть привлекательность места для постройки дачи, называет восточной сладостью.

Приезжая публика

Люди, приезжавшие в Крым, делились на две категории: отдыхающие, для которых поездка на курорт представлялась как развлечение, новые знакомства и общение, и больные, для которых крымский климат – единственное спасение и основной фактор лечения. Крым был местом, где чувствовался неприятный контраст между веселыми обеспеченными людьми, которые приезжали за удовольствиями, и людьми больными, которые приезжали в надежде поправить здоровье.

Эпидемия туберкулеза, поразившая русское общество в конце XIX – начале XX вв., внесла коррективы в сложившееся представление о Ялте как месте только для отдыха и развлечений, дальнейшее развитие курорта происходило с учетом необходимости обеспечить места проживания, питания и лечения чахоточных больных.

Жертвами чахотки становились как бедные, так и высшие слои населения, и даже супруга императора Александра II страдала этим заболеванием. Говоря о бессословности Ялты, Чехов указывал на равенство людей перед этой грозной болезнью. И если отдых на курорте могли позволить себе только состоятельные

люди, то больные приезжали на лечение вне зависимости от материального достатка, причем большую часть составляли неимущие.

В Крыму Чехов-врач становится пациентом, но тем точнее и явственнее он способен увидеть изнутри такую важную составляющую курорта – лечение как результат взаимодействия врача и пациента: *Мне пишут из Ниццы. Сезон плохой, но больных много, врачи хорошо заработали* (ПСС, 2673).

В дальнейших наших научных разысканиях тема курорта и лечения станет центральной и позволит представить Крым, Южный берег Крыма с другой стороны – как курорт.

Таким образом, путем анализа ялтинского эпистолярия А. П. Чехова нам удалось представить фрагмент картины мира писателя, связанный с Крымом, в котором дается субъективная оценка писателем полуострова, в особенности его Южного берега.

Особенно ценными для нас являются субъективные оценки писателя описываемым явлениям, реалиям, феноменам, потому что являются важным материалом для представления многогранного образа Крыма в русской культуре, поскольку оценочная позиция пишущего формируется согласно законам той эпохи, в которой творит писатель, а значит его тексты способны передать ценностную ориентацию данного социума, именно поэтому реконструкции картин мира писателей интересны исследователям картин мира той или иной культуры, в раскрытии которых определяющую роль играют языковые средства.

Надо отметить, что многочисленные свидетельства в письмах Чехова, основанные на его личных наблюдениях, являются ценным материалом для нас, потому что позволяют получить информацию о некоторых особенностях географического, административного, социального, историко-культурологического и даже экономического устройства этого региона России. И

несмотря на то что не всегда даются исчерпывающие описания, зачастую они являются уникальными свидетельствами о реалиях того времени, из них мы извлекаем информацию, которую невозможно найти в словарях, энциклопедиях, справочниках и других источниках.

Литература

- Величко Н. В. *Оценочность в языковой картине мира А. П. Чехова (на материале писем крымского периода)* // Материалы IV Конгресса исследователей русского языка «Русский язык: Исторические судьбы и современность», 2010.
- Величко Н. В. *Феодосия как репрезентант Крыма в языковом сознании А. П. Чехова* // Культура народов Причерноморья, 2008. – № 137, т.2.
- Зимняя И. А. *Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания* // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
- Иванова Л. П. *Кавказ в русском языковом сознании XIX–XX столетий.* – К: Издательский Дом Дмитрия Бугаго, 2004.
- Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность.* – М., 1987.
- Клех Игорь Чехов: Ich sterbe. "Знамя", 2003, N2.
- Мальгин А. В. *Русская Ривьера: Ку рорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи.* Конец XVIII–начало XX в. –Симферополь: СОНАТ, 2006.
- Маслова В. А. *Когнитивная лингвистика.* – Минск: «Тетра системс», 2004.
- Полное академическое собрание сочинений и писем в 30 тт.*, М.: Наука, 1974-1983.
Письма, тт. 8-12.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира* / отв. Ред. Б. А. Серебrenиков. – М.: Наука, 1988.
- Ященко Т. А. *Каузация в русском языковом сознании.* – Симферополь, 2006.